

НАТАЛЬЯ БОГАТЫРЁВА

Из породы огненных псов

ПРИКЛЮЧЕНИЯ СОБАК

Наталья Богатырёва
Из породы огненных
псов. Приключения собак

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21125131

ISBN 9785448310218

Аннотация

У Славика из пригородного лесхоза появляется шенок-найдёныш. Подросток всей душой отдаётся воспитанию Жульки, не подозревая, что в её жилах течёт кровь древнейших боевых псов. Беда, в которую попадает Славик, показывает, что Жулька унаследовала лучшие гены предков: рискуя жизнью, собака беззаветно бросается на защиту друга. Но будет ли Славик с прежней любовью относиться к своей спасительнице, видя, что после страшного боя Жулька стала инвалидом?

Содержание

Пролог	5
Часть I. Криста	13
Глава 1	13
Глава 2	28
Глава 3	42
Глава 4	56
Глава 5	71
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Из породы огненных псов Приключения собак

Наталья Богатырёва

Моим ушедшим друзьям посвящается.

© Наталья Богатырёва, 2018

ISBN 978-5-4483-1021-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Пирес очень боялся. Так же сильно, как и в прошлый, и в позапрошлый раз, и до этого. Его просто-таки колотило от страха с той минуты, как стало ясно, что скоро снова предстоит сражаться. Видя приготовления к битве, начавшиеся в лагере, он перестал есть и спать, постоянно нервно озирался и не подходил приласкаться к человеку, который ухаживал за ним и готовил его доспехи. Пирес своей безошибочной собачьей интуицией чувствовал приближающийся неотвратимый миг брани и возможного конца.

Он видел, что так же страшатся предстоящего и остальные его соплеменники – рыжий Варлеос, его неизменный соперник в борьбе за пищу, потерявший в недавнем бою одно из своих длинных ушей, и поджарый красавчик Кронтос, к которому назло остальным кобелям просто-таки липли суки, и даже неказистая безбашенная Лилит, которая всегда вырывалась вперёд, звонким лаем, похожим на звук трубы, призывая свору в самое пекло. Не было ни одной собаки, хотя бы раз побывавшей в деле, которая не печалилась бы накануне нового сражения.

И всё же все они, чуя кровь и смерть и лихорадочно трясясь в страхе от этого предчувствия, как азартные игроки жаждали предстоящей атаки и нетерпеливо ждали, когда их служитель принесёт боевое снаряжение.

Наконец-то он показался, неся доспехи толстой кожи с множеством железных шипов на ошейниках, на ремнях вдоль хребта и на крестце. Вместе со служителем подошёл и их истинный хозяин-жрец. Именно он обучал стаю, объяснял собакам, как и что делать в бою и наказывал тех, кто выходил из повиновения. Жрец всегда был с ними перед сражением, жрец шел рядом во время его, направляя голосом и волей стаю туда, где требовалась её работа. Случалось, что среди ада битвы, когда собаки выше всякой меры насыщались кровью и плотью врага, на кого-то из псов накатывало боевое бешенство, и он на своём пути начинал крушить все подряд, не разбирая ни своих, ни чужих. Тут единственно воспитатель-жрец одному ему известным магическим внушением способен был привести в чувство потерявшее голову животное. В армии царя способность эта считалась сакральной и высоко ценилась: за подготовку боевой стаи, а также за умение управлять ею в любых условиях жрецы получали большие вознаграждения от военачальников, а иногда и от самого правителя.

– Посмотри, Арктонис, собаки, выращенные тобой, так жаждут битвы, что уже сейчас дрожат в её предвкушении – залезбзил перед сумрачным суровым жрецом служка, не догадываясь об истинной природе не проходящей собачьей тряски.

Не отвечая глупому рабу, жрец медленно пошёл между клетями, где содержались четвероногие воины. Остановли-

ваясь возле каждого отсека, он внимательно глядел собаке в глаза, пока у той не прекращалась дрожь. Успокоив животное, Арктонис каждому члену стаи говорил, сопровождая речь коротким выразительным жестом:

– Завтра ты пойдёшь и уничтожишь врага новым оружием.

Затем жрец сел на поляне и жестом приказал службе начинать экипировать стаю. Пирес оказался в числе первых, кому приспособили новинку. Навскидку она показалось какой-то простенькой и не устрашающей. К привычной для стокилограммового кобеля сбруе с обоюдоострыми мечами-секирами на мощной шее прибавилось не слишком объёмное приспособление на боках: длинные палки с раструбами на концах. Раструбы были набиты паклей и пропитаны остро и противно пахнущим составом – смолой.

Когда все собаки были снаряжены, Арктонис подозвал рыжего Варлеоса и поднес к одному из раструбов его амуниции тлеющую головёшку от ближнего костра. Раструб вспыхнул мощным ярким пламенем. Варлеос взвыл громовым басом и бросился было наутёк, оглядываясь на свой пылающий бок. Но жрец, повелительным жестом заставив его вернуться, ловко выхватил факел и отбросил огненный ком в ручей. После этого Арктонис обвёл взором стаю и снова несколько раз повторил:

– Это ваше новое оружие. Завтра вы пойдёте и уничтожите им врага.

На рассвете знаменитая пешая фаланга копейщиков, прикрываемая тяжёлой конницей справа и лёгкой – слева, выступила навстречу врагу. Прежде перед копейщиками вместе с рабами двигались боевые псы. Но на этот раз военачальники, решившие по-новому использовать собак, оставили их в тылу под присмотром жреца – до нужного момента. Неприятельские всадники, заметив, что наводивших на них ужас псов-убийц в авангарде нет, и животам и ногам их лошадей ничто не грозит, выдвинулись навстречу фаланге беспорядочным разливом. Атаковали они без особого искусства, но подавляли намного превышавшим числом, и уже скоро поставили копейщиков в критическое положение, которое никак не могли исправить ни тяжёлая, ни легкая конница. Тут-то и прозвучала долгожданная хорошо знакомая стае команда:

– Спускайте боевых псов!

Арктонис с помощником начали быстро открывать клетки и поджигать факелы. Через полчаса из-за холма на не ожидающего такого поворота дела неприятеля вдруг выплеснулась пылающая лавина зычно ревущих и беснующихся существ. Первым и на этот раз шёл рыжий гигант Варлеос – по праву специалиста, демонстрировавшего по воле жреца новое собачье оружие. За ним, распластываясь над землёй, летела и звонко трубила Лилит, которая в этот миг была прекрасней любой самой статной суки мира. Третьим нёсся громадный черный Пирес, забывший о своих страхах и одержимый

одной мыслью: настигнуть и повергнуть врага. Огонь подстегивал всех, придавал атаке хотя и страх, но и небывалый яростный задор.

За несколько минут сухотравное поле превратилось в горящее озеро, в котором утонула большая часть неприятельской конницы. Огненные псы создали непреодолимую преграду, за которую смогла отойти поредевшая фаланга, а фланговые гейтары начали жестокое неумолимое преследование остатков вражеского войска. Сражение с преобладавшим врагом оказалось коротким, и было с блеском выиграно.

Когда дым от пожарища рассеялся и пришёл черед уносить раненых и тела погибших, среди других пошёл на поле и служба Арктониса. Из пятидесяти вышколенных и проверенных в боях собак к клетям вернулись двадцать семь – обычная статистика для наступательного боя – все с ожогами и ранами. Служке велено было отыскать героическую первую тройку, чтобы похоронить этих собак с воинскими почестями. Но Варлеос пропал бесследно, умчавшись за гейтарами и, очевидно, найдя конец где-нибудь в заросших кустарником балках, куда в панике скатились остатки неприятельских дружин. Вместо Лилит удалось отыскать только ее обгорелый ошейник, набранный из тонких бронзовых пластин. На поле найден был лишь Пирес, проткнутый вражеским копьем. От удара факелы с его перевязи отлетели далеко, он лежал на боку, закинув громадную голову к небу,

и на морде, казалось, блуждала улыбка существа, правильно исполнившего своё земное предназначение...

...Сколько собак Древнего мира, обученных страшному военному искусству, славно окончили жизнь на полях сражений – Бог весть. Найдя применение собаке в качестве спутника и помощника на охоте, человек очень скоро пошел дальше, приучив крупных псов к охоте ради развлечения. При дворах многих правителей древних государств бытовали опасные кровавые забавы вроде охоты на слонов, львов, медведей и других крупных животных.

Собаки для этого требовались тоже крупные и свирепые, и такие нашлись в Тибете. Считается доказанным, что современные мастиффы и догообразные собаки – прародители многих современных пород – ведут свое начало от древних тибетских мастиффов.

А тут и мысль об использовании огромных обученных зверей в милитаристских целях не заставила себя ждать. Первые свидетельства её реализации относятся к XIV-XIII вв. до н. э., когда древнеегипетский царь Тутанхамон воевал на колесницах в сопровождении боевых псов. Древнейшее изображение тибетского дога в Междуречье датируется XII в. до н. э. В Вавилоне для военных нужд выращивались специальные породы собак с массой тела до 100 кг. А в первой половине I тысячелетия до н. э. у ассирийцев были специалисты этой отрасли. Именно ассирийцы первыми начали использовать боевых псов как самостоятельную военную силу.

В VIII в. до н. э., киммерийцы, а затем и скифы познакомили европейский мир со своими собаками войны. Благодаря скифам используемые ими породы распространились в Причерноморье, а оттуда в Центральной и Западной Европе. Впоследствии качества боевых псов оценили и персы, которые также использовали их в военных целях. В войнах древних греков собаки не применялись – искусство боя в фалангах не особо позволяло использовать столь мобильные соединения, какими были собачьи своры. Однако и у эллинов после греко-персидских войн распространилась порода, которая позднее получила название «молоссы». Великий полководец и военный реформатор Александр Македонский быстро нашел для боевых псов достойное место в битвах, в особенности по индийской традиции вооруженных горящими факелами.

Но позже в Элладе военное применение собак почти прекратилось.

Однако крупные крепкие животные не сошли с европейской арены. Их полюбили на Апеннинах – сначала этруски, а потом и граждане Римской империи. До такой степени, что молоссов стали считать собаками-аборигенами этой части мира. Они традиционно прекрасно зарекомендовали себя как охотники, охранники, пастухи и, опять-таки, как собаки войны. Не обошлось без обученных собак при проведении гладиаторских боёв.

Но и враги Древнего Рима – кельты, германцы, бритты –

не упустили случая, чтобы не спустить на неприятеля клыкастых воинов.

Когда же началось Великое переселение народов IV – V вв. н.э., следы боевых псов затерялись в темноте Средневековья.

Тем не менее, мастиффы и молоссы, потомки «огненных псов», как называли собак-воинов греки, персы, индусы – остались. О собаках, имеющих отношение к породам глубокой старины, и пойдет речь далее.

Часть I. Криста

Глава 1

Новорожденному щенку Жульке открываются картины мира, но она едва не погибает

Ну что ты, дружок, так смотришь, будто хочешь погрузить свой горячий взгляд прямо в душу мою, как у нас, людей, называется невидимое, вечно восторженное, трепещущее и болящее нечто, составляющее главную ценность и смысл бытия? Мы с тобой славно прогулялись по лесу, навестили все свои заветные уголки, подсыпали семечек в ямку у корней нашей ели, куда приходят проверять хлебные места белки, и где стучит по старой коре дятел в своем бархатном красном беретике. Мы сбили с веток водный прах, ещё державшийся на кустах после утреннего дождя. Мы не зря провели частичку времени, отпущенного нам обоим в этой жизни, и потому день сегодняшний можно назвать удачным, а закат между соснами под окном ложится прозрачным светлым шлейфом. Ты впервые за несколько последних недель поел не из уважения ко мне, а с явным удо-

вольствием, а я массирувал пластмассовым шлепанцем позвонки твоего ещё мощного, но уже начавшего выпирать хребта. Все у нас нынче хорошо, все ладно. Так отчего искательно горят в полумраке зелёные огни твоих глазниц? Неужели за долгие годы, прожитые возле нас, ты настолько очеловечился, что, будто дитя, не можешь уговориться без ласкового шёпота над твоим ухом?

Хорошо, давай поговорим. Это, похоже, нужно не только тебе...

Я расскажу одну историю про твоих соплеменников, разные кусочки которой пришли ко мне то от одного человека, то от другого. И постепенно в моем мозгу эти отрывки сложились в единый рассказ, который сейчас, когда нам с тобой осталось быть вместе совсем недолго, вдруг захотелось поведать кому-нибудь. Почему же не тебе?

Неожиданность, случившаяся с Жулькой, разом перевернула всё её существование. До этого замечательного момента она считала, что вселенная представляет собой уютную теплую пелёночку из черного бархата, которая мягко обволакивает её со всех сторон. Бархатка была населена разными запахами – то родными и приятными, то волнующе острыми, то неясными и тревожными. Сквозь плотную пелену время от времени прорывались какие-то еле различимые тени и глухие звуки, заставляющие Жульку с любопытством настораживаться навстречу происходящим вокруг едва за-

метным изменениям. Её обволакивающую вселенную наполняло живое шевеление. Вплотную к ней с обеих сторон были прижаты дающие тепло такие же, как она, мягкие комки, и почти всегда рядом чувствовалось присутствие большого горячего мягкого бока, возле которого так безмятежно и радостно спалось. Порой к её тельцу прикасалось что-то, влажное и тоже теплое, похожее на одеяло и – Жюлька знала точно – родное и близкое. Это большой ласковый язык начинал, легонько смачивая, перебирать каждую пушинку на её тельце, и от таких нежных прикосновений хотелось восторженно повизгивать.

Но главным свойством нынешнего её мира было то, что, стоило только немного поводить мордочкой и почмокать, как почти сразу в непроницаемой безмятежности на теплом боку отыскивался волшебный бугорок с вкуснейшим сытным молочком. Оно лилось в маленькое горлышко без уговоров и напряжения, отчего начинающаяся жизнь казалась особенно восхитительной. Её и других своих детей кормила и вылизывала мама, существо, знакомое с того момента, когда Жюлька стала ощущать свою переполняемую счастьем вселенную.

Под охраной заботливой мамы Жюлькина жизнь текла тихо и уютно. И только однажды в это мирное течение ворвался страх. Случилось это, когда сквозь ватную тишину глухо прорвались чуждые звуки. Кто-то совсем рядом громко, зло и грубо закричал:

– Я тебе покажу, как без спроса свадьбы играть! Ишь, материнства ей захотелось! Будет тебе материнство! Ни одного из выводка не оставлю!

Мама, любимая большая теплая мама, на Жулькиной, пусть и короткой, памяти никогда ни на кого не поднимавшая голоса, а только тихонько посвистывающая от удовольствия, когда малыши сосали ее бугорки, мама, шершавым языком любовно вылизывавшая каждого из своих деток и радостным повизгиванием встречавшая тех, кто приносил еду ей самой, – эта мама вдруг издала такой звук, который даже полуглухим щенкам показался громогласным. Казалось, небо, или, по крайней мере, потолок их убежища должны были обвалиться от этого оглушительного рыка. Но враждебные крики вопреки логике не прекратились, они стали еще грубее, маму сильным рывком отшвырнуло куда-то прочь, и она уже не рычала – скулила жалобно, тоскливо и обречённо. Что-то такое же грубое и злое, как голос чужака, хищно шарило рядом с окаменевшей Жулькой. Потом слабенькими тоненькими голосами бессильно заплакали вырванные из сонной теплоты братишка с сестренкой, потом забулькало жутко и хрипло... Ненавистные руки убийцы уже подхватывали под брюшко и Жульку, разрушая счастливый плен её вселенной, когда мама снова зарычала, страшно и отчаянно.

Ты прав, друг мой: маленькое существо, пока еще ничего не знающее о том, что происходит за границами сонной

темноты его мира, не могло осознать смысла этих движений, криков, рычания, писка, глухих звуков, прыжков и возни больших тел. И все же даже новорожденных животных природа наделяет особым внутренним чутьем, которое всегда подсказывает, хорошее или плохое происходит во внешних сферах, и нужно ли этого бояться, или, по крайней мере, сторониться. С первых своих дней и ты подчинялся этому внутреннему зову, безошибочно распознавая как дружественные, так и опасные влияния.

Жулька с ужасом поняла, что вокруг неё происходит нечто такое, от чего следует быть как можно дальше. Но хотя она и напряглась изо всех своих крохотных сил, увернуться из злых клещей толком не могла, да и не знала, как это правильно сделать. Между тем борьба больших существ продолжалась, на две октавы выше прежнего взвыл уже злодей, разрушивший их семейное гнёздышко. Вдруг неожиданно для щенка он разжал свои железные пальцы, и кутёнок шмякнулся куда-то вниз, на твердое и сырое, совсем не похожее на прежнее их уютное ложе. Все еще поскуливающая мама тут же выхватила малышку из сырости за шкурку на загривке и быстро куда-то понесла. Она бежала со всей мочи, щенок как тряпочка болтался в такт бешеному галопу, а вслед беглянкам неслись виртуозная брань, проклятья и посулы уничтожить «эту дрянь и всех её выроdkов».

Можно представить, как страшно было Жульке от всей

этой смены событий, произошедшей так быстро. Только что она безмятежно ловила серые проблески и отрывки звуков, и это состояние казалось ей бесконечно незыблемым – и вот уже совершенно новые запахи и звуки окружают её, и она погружается в иные непривычные ощущения.

Но к счастью, перенесённое Жулькой потрясение скоро забылось. Животным во младенчестве присуща счастливая забывчивость, многое изглаживающее из памяти. Однако она всё же быстро разобрала, что их новое обиталище совсем не походит на прежний добротный дом. Мама принесла своего единственного уцелевшего кутенка в узкую темную и сыроватую нору под гаражом, едва ли не единственным достоинством которой было то, что она хорошо прятала семейство от незваных гостей и чужих глаз, в первую очередь от тех, кто погубил остальной мамин выводок.

Тут на новом-то месте и случилась первая важная для Жульки неожиданность. Ели говорить абсолютно строго, чудо было не совсем первым, а скорее – первым с половиной. Когда Жулька осознала себя частью какого-то нового и все расширяющегося пространства, она пребывала в состоянии, о котором люди сказали бы: как в ватку завернута. Но постепенно неясные внешние проявления, едва пробивающиеся сквозь эту ватку, становились все отчетливее. А во время их с мамой побега Жулька вдруг ясно поняла, что ее ушки, прижатые к головке так плотно, что никакая, даже самая незначительная, влага не могла просочиться внутрь, теперь

сами собой начали понемногу топорщиться. И неясные колебания, приходившие как извне, так и рождающиеся внутри её дома, благодаря этому превратились в мягкие или колючие шорохи, глухие и громкие стуки, бряки, звоны, слова, мелодии – во всё то многообразие звуков, которое и составляет естественную музыку жизни. Через несколько часов она уже могла различать не только ближние, но и дальние шумы, а еще спустя некоторое время даже научилась сортировать звуки на привычные и неизвестные. Далекие фоны её не слишком волновали: Жюлька, несмотря на уже имеющийся первый опыт встречи с опасностью, пребывала в уверенности, что песня далей к ней, копошащейся в сумраке норы, прямого отношения не имеет, так как «здесь» и «там» всё еще были разделены бархатной завесой слепоты. Но когда внешняя жизнь подходила близко, Жюльке отчего-то хотелось замереть и насторожиться. Особенно быстро она старалась превратиться в недвижимый предмет, если рядом с ней не было мамы.

Впрочем, наружные перипетии обходили стороной её и их укрытое от наружного мира жилище. Живое население, обитавшее неподалеку от облюбованного мамой гаража, пока не заметило их появления или не придало ему особого значения. К заброшенной норе никто не приближался. Только однажды Жюлька уловила неподалеку, почти рядом с собой, легчайший шорох. Он мало чем отличался от уже знакомых звуков трения былинки о былинку, и все же это было что-то

иное, заставившее кутёнка инстинктивно напрячь все свои мизерные силенки. Почему-то Жульке сразу почудилось, что шорох был не только странный, но и недобрый. Трава шелестела по-другому. Сухие веточки под мамиными лапами тоже разговаривали совсем не так. Зловещее шуршание медленно и вкрадчиво приближалось к ней, рождая непонятную панику. Жулька, стараясь не сокращать расстояния между собой и источником охлаждающего душу звука, все отползала и отползала вглубь норы, но сближение с шуршащим нечто все продолжалось. И тогда Жулька в ужасе завозилась, как умела закричала, предчувствуя неладное. Округу наполнил истошный младенческий плач. Замолчала она, лишь услышав приближающийся быстрый мамин бег. Затих и странный шорох, потом начал отдаляться, а взмокшую шерстку дрожащего всем тельцем щенка уже успокаивающе облизывал родной язычок.

Спустя время, когда Жулька подросла и немало повидала на свете, она поняла, что в их логово той осенью наведывалась змея, может, и ядовитая...

Дружок, помнишь ли ты свои первые дни? Увы, и я их не помню. Ты пришел к нам не из маминой корзинки, появился на свет не от родной домашней любимицы. Мы нашли тебя под забором. Тебя привезли на продажу в числе других щенков из какой-то деревни. Дядька, торговавший вами, уже в третий раз приезжал на Птичий рынок, пы-

таясь сбыть с рук потомство своей собаки, и ему это порядком надоело. Когда я остановился против тебя – толстого, лобастого, большелопатого, твой благодетель, похоже, собирался потихоньку улизнуть от вас, бросив свой товар на произвол судьбы. Ты сидел набычившись, будто сознавая, что против тебя замышляется что-то неладное, и молча, с недоверием разглядывал меня. Я – тебя. В гляделки играли, пока я решал, мой ты или нет. Пяти минут хватило, чтобы я понял, что из базарной пыли поднимаю давно разыскиваемую родственную душу. Дядька готов был отделаться от тебя практически даром, и ты стал моим родным существом за копеечную плату. Тебе было около трех месяцев, глаза твои и уши были давно открыты, поэтому момента обретения тобой вселенной я не видел. Жаль.

Всё богатеющая гамма звуков, как и бесконечные запахи чего-то, существовавшего вне её бархатного сумрака, которые улавливал маленький носишко, подсказывали Жульке, что далеко не весь мир ещё открыт для неё, и впереди ждут новые знакомства и откровения. Как все слепые существа, она воспринимала происходящее вокруг особенно чутко и обострённо. Но, в отличие от обреченных на вечную слепоту, обострение её чувств было тем нетерпеливым ожиданием, которое предшествует чуду. И это второе в её жизни огромное чудо произошло: она начала *видеть*.

Случилось всё как-то утром. Жулька, спросонья приняв-

шись искать мамину кормушку, вдруг неосознанно зафиксировала: вокруг что-то не так. Вместо обычной аспидной пелены её окружало что-то незнакомое: колышущиеся размытые очертания, разноцветные пятна и блики, какие рождает свет дня, сквозь узкую щель наполняющий подземелье. Пятна менялись, двоились и множились. Повернув голову, Жулька попыталась сфокусировать взгляд на одном из этих пятен, но с одним приоткрытым глазиком это ей долго не удавалось, а второй никак не хотел ей помогать. Тогда она стала напрягаться изо всех сил, разлепляя непокорное веко, и, наконец, в процесс нового познания жизни включились оба органа зрения, отчего пятна приобрели несколько большую однозначность и законченность.

Первое, что она более-менее отчётливо увидела, было большое мышиноного цвета существо рядом с собой, в которое утыкалась её жаждущая молочка мордочка.

– Вот она какая, мама моя – зафиксировалась мысль, подсказанная запахом. А следом почему-то с жадностью вспомнилось про еду. Но как же теперь не в потемках-то найти источник питания? Жулька на всякий случай прикрыла только что включившиеся глаза и на ощупь полезла под родное брюшко. Но тут же снова открыла их и продолжила путь, запоминая его взглядом. Похоже, так было удобнее и надежнее. Жизнь стала иной и, кажется, лучшей!..

Завтракала Жулька, опять-таки по привычке зажмурившись. Казалось, так можно дольше продлить удовольствие

от еды. К счастью, молока, рассчитанного на целый выводок, было вдоволь, и крохе не требовалось елозить и толкаться в борьбе за пищу, как это происходит в многодетных собачьих семьях. Но как только она наелась, мама ушла, и, к немалому огорчению прозревшей малышки, толком разглядеть её не удалось.

Поэтому детальное изучение картины мира собачка начала с себя. В зыбком свете пасмурного осеннего утра она увидела четыре толстые короткие культяпки, две перед самой мордочкой, а две где-то сзади. Жулька вставать ещё не пробовала, только елозила голеньким пузиком по трухе, устилавшей дно логова. Поэтому она пока не очень понимала, для чего нужны ей эти мохнатые принадлежности. К счастью, неведение ушло быстро, как только она попробовала ими пошевелить. Лапки хотя слушались плоховато, но всё же позволили приподнять наетый живот и голову – то самое место, на котором располагались счастливо обретённые глаза, а также нос и уши. Почему-то стало понятно, что в будущем они превратятся в её славных помощников.

Обнаружила Жулька и ещё одну часть тела, длинноватую и мал шерстистую, которая продолжала спинку за задними лапами: хвост. Зачем этот хвост, она даже и догадываться не могла, но почему-то точно понимала, что он, как и лапы, очень важен для её дальнейшей жизни. Значит, относиться к нему нужно бережно и с почтением. Решив провести более подробное обследование самой себя, для начала она попро-

бовала дотянуться до почётного органа. Но тот куда-то стал убежать. Жулька опять потянулась, хвост – ускользнул. Она, решив во что бы то ни стало догнать увёртливое гольши, изогнулась, схватила... Оу-у-у, как больно-о! Зубки даром что маленькие, а прикусили чувствительно.

Как жаль, что с хвостом всерьез в догонялки не поиграешь – опечалилась Жулька. Но тут же рассудительно решила, что для игры совсем не обязательно пускать в ход зубы, и все будет правильно.

...Сколько раз и ты, мой друг, попадался на эту удочку! Как и все кутяшки, ты тоже самозабвенно занимался охотой на собственный хвост. Уморительно было смотреть, как мой крупногабаритный подросток щёлкает зубами в надежде достать свой толстенький обрубок. Вскоре после того, как я выкупил тебя у незадачливого торговца, выяснилось, что ты первосортный метис. Взяв от мамы-боксёрши стать, окрас и замечательно уравновешенный характер, от папы неизвестной породы ты унаследовал так называемый выдровый хвост, мощный и плоский. Как и все подрастающие щенки, ты то и дело давал себе слово не ловить собственный хвост. Но день ото дня он становился всё притягательнее, и казалось, что до кончика достать совсем легко. Соблазн брал верх над прагматизмом, но увлечшись весёлой каруселью, ты, как и тысячи щенков, успокаивался, лишь когда на нежном последнем хря-

щике предательски смыкались крепнущие клыки. Оу-у-у!..

Оказалось, что совершившееся прозрение подарило Жюльке очень любопытные глазёнки. Они без устали исследовали всё и вся, окружавшее хозяйку. Кроме своего досконально рассмотренного тела, она быстро установила, что нора, служившая домом им с мамой, достаточно просторна и имеет вход, он же источник света, благодаря которому видны и земля, и пук сухой не то травы, не то соломы, служащей им матрасиком.

Блики, смущавшие и радовавшие её в момент прощания со слепотой, время от времени появлялись снова, как радужные посланцы последних солнечных лучей. Они делали нору нарядной, а главное – так и манили за собой, туда, где вселенная по-настоящему приобретает бесконечность, вольность, счастье и многое другое, о чем Жюлька могла только скромно задумываться и мечтать.

Ведь пока и внутри родного логова тоже оказалось немало неизведанного, К примеру, в одном из дальних углов обнаружился некий склад. В небольшой ямке было слегка прикопано что-то, точного предназначения чего Жюлька пока знать не могла, но догадалась: это вещи ценные. И – живые. Вернее, относящиеся к живому. Еще с чернопеленочной бытности собачка помнила необыкновенный манящий запах, исходивший от такого же живого добра. Иногда после своего обеда мама приносила и складывала недалеко от детей эти

восхитительно пахнувшие предметы, чтобы потом с особым блаженством предаваться медленному их разгрызанию. И теперь после бегства и воцарения под гаражом, возвращаясь после недолгих отлучек, мама тоже иногда приносила с собой пахучки и теребила их со сладостным тихим урчаньем. Правда, Жюлька заметила, что пахли они не так аппетитно, как прежде.

И вот теперь, найдя захоронку с манящими косточками, Жюлька и сама попробовала было одну из них на зуб. На свой слабенький крошечный зубик, из тех, какими наделяет природа молочных щенков. Понятно, что мамина вещь оказалась такой твёрдой, что малышке не удалось откусить от неё ни крошки. Всему свой срок. Пройдет немного времени, и молодая собака сможет играючи справляться с огромными коровьими мосалыгами. А пока сытую Жюльку фиаско с костяшками не обескуражило.

– Я обязательно научусь грызть такие штучки – весело и твердо решила она, и с легким сердцем оставила мамин склад. Тот, кому судьба делает замечательные подарки в виде зрения и слуха, не станет тужить из-за какой-то неподатливой косточки. Тем более, что Жюлька всей своей переполненной радостью, только-только начавшей жить душонкой уверовала: одними лишь открывшимися глазами чудесное не кончится.

За исследованиями, полностью поглотившими Жюльку, она не заметила времени. А часы шли, день клонился к ве-

черу, свет угасал, и мир начал погружаться в ночь. Мама почему-то всё не возвращалась, а темнота уже легла на землю, погасив краски и в Жулькиной норе. Это был первый закат, первая смена дня и ночи в её жизни, и от этого веселящемуся комочку вдруг стало очень не по себе. Жулька ведь пока не знала, что за темнотой обязательно приходит рассвет, а потому с отчаянием подумала, что обрётённое было зрение теряется, и она снова погружается в непроглядное существование. В то существование, которое совсем недавно казалось единственно возможным. Что ж, многим после ослепительного полудня черная полночь кажется невыносимой...

Но горькое щенячье горе потихоньку начало развеиваться. Жулька увидела и услышала, что и у ночи есть свои особые запахи и краски, которые также как и днем, отбросили блики на своды их логова. К тому же наконец-то пришла мама. С радосто-жалобным повизгиванием малышка поползла к своей родненькой, забралась под брюшко, стала жадно сосать, и – о радость! – увидела, что в темноте тоже различает и серый отлив маминой шерсти, и нежный блеск её глаз, и вход в нору, сделавшийся голубовато-светящимся.

В этот день Жулька засыпала с ощущением восторга от обладания чудом, которое никуда не уходит, даже по ночам. И с мечтой о том, как завтра она до мельчайших подробностей разглядит любезные сердцу косточки из маминой захоронки.

Глава 2

Кем была и где росла Криста, мама спасённого щенка

Ты почему опять вертишься на кухне? Сколько раз мы с тобой беседовали о домашнем этикете! А ты опять ведёшь себя так, будто слыхом не слыхивал, что приличные псы никогда не должны обнаруживать своего желания присоединиться к хозяйской трапезе, даже если вот-вот умрут от запахов, ею источаемых. Или ты забыл, что настоящая благовоспитанная собака, принятая в человеческую стаю, умеет удерживаться от гастрономических и прочих съестных соблазнов, не лезет лапами или, как ты, прямо здоровенной мордой на стол, а скромно сидит поодаль, индифферентно подбирая капающие слюнки?

Ладно, вижу-вижу, что ты совсем не за хавчиком на кухню заглянул, а так, проверить, может, как раз сейчас следует подчистить пол возле стола от случайно упавшего кусочка. Должен же кто-то подбирать в доме за неаккуратными хозяевами... Умеешь ты, дружочек, хитрить. Как не дать тебе за это вкусенькой награды! А по большому-то счету, поди найди на белом свете такую, пусть и самую вышколенную собаку, которой под силу сознательно игнорировать кухонный и даже помоечный дух. Зов крови, ни-

куда от него не деться. Бери уже трофей и иди в свой уголок, чтобы оттуда беседовать со мной об этом необыкновенном и удивительном зове.

В отличие от Жульки, в полной эйфории вбирившей, как губка, всеми своими чувствами и умишком открывающиеся перед ней чудеса мира, мама её по кличке Криста пребывала далеко не в восторженном состоянии. Какой уж тут восторг, когда она восстала против своего хозяина! Ей, молодой собаке, выросшей в холе и заботе, до момента безобразно возникшего между ними противостояния и в голову не могло прийти перечить требованиям своей семьи даже в самом малом. Наоборот, она просто-таки с благоговением бросалась выполнять не то что приказы и команды – малейшие намеки на пожелания своих любимейших людей. Благодаря природным качествам характера, благоприобретённому добродушию и покладистости Криста считала свою подчинённую роль не тяжкою необходимостью, а ежедневным праздником. Она готова была бесконечно служить и главе семейства, и его супруге, и деткам – девочке и мальчику, домашней прислуге, а также при необходимости даже толстомордому ленивому хозяйскому коту британского происхождения. Нет, в служении Кристы не было ни заискивания, ни подобоострастия, ни скрытой тяги к похвалам или материальным выгодам. Она широко открытой душой лишь из беспредельной любви преданнейше поклонялась семье и преклонялась перед ней. Лю-

бая команда выполнялась ею весело, резво и толково. Она готова была при малейшем поводе ринуться на защиту своей стаи, насмерть биться с любым врагом, грызть и рвать до последнего издыхания, лишь бы её кумиры были в безопасности. И даже если им приходилось или требовалось причинять ей неудобство, неприятности и даже боль (а такое иногда случалось, особенно со стороны впадающего в неистовство подвыпившего папаши) – Криста, хотя и молча горевала, не понимая до конца причин немилости, не смела огорчать их своим неповиновением.

А теперь вот она перешагнула все мыслимые и немыслимые грани дозволенного. Собака, дерзнувшая напасть на своего бога, на человека, выкормившего её с первых дней жизни, приблизившего к себе и давшего пропитание и кров, стала самой страшной отступницей по меркам человеческим и её собственным. А потому, как всякий преступник, вынуждена бежать, терпеть лишения и жить со страшным сознанием своего греха.

Стоит ли удивляться такому собачьему горю! С самых далёких времен животные сошлись с человеком как раз на том, что беспрекословное исполнение воли хозяина стало их жизненной программой, дававшей взамен пищу и кров. Постепенно лошадь, верблюд, слон, а больше всего собака просто-таки слилась со своим повелителем, подчинились ему настолько, что сумели даже преодолеть страх перед соб-

ственной гибелью и стать его живым оружием. В описаниях жизни древних народов, в старых картинах и фресках нередко присутствуют собаки-воины, собаки-гладиаторы, собаки, стережущие добро, будь то овцы или пленённые в сражениях иноземцы. Многовековая мудрость собачьих предков, на долю которых выпадали многие лишения и беды, переплывалась в редкие качества и закрепились в виде устойчивых инстинктов. Их-то и стали считать зовом крови. Пойти против этого зова могут крайне редко очень немногие собаки, – только те, у которых интеллект дает способность спорить с инстинктивными установками.

Кроме угрызений совести, Кристу приводило едва ли не в отчаяние и другое обстоятельство. Резкая смена социального статуса – из разряда обеспеченных домашних животных они с дочкой перешли в категорию никому не нужных и ничем не защищенных бродяг – легла на её упитанную холку тяжким бременем. Хорошо ещё, что для них с Жулькой нашелся убогий (по сравнению с прежним) приют в дальних гаражах, и приходится довольствоваться грязной норой непонятного происхождения, имея слепого младенца на руках (или на лапах, сообразно собачьей терминологии).

Живя дома, Криста с первых дней была приучена к роскоши. Зимой она обреталась в обширной городской квартире, где ей было отведено почетное место в уголке просторной прихожей. Угол был тёплый и уютный, такому местечку

могла позавидовать любая, даже и не столь неприхотливая собака. Но при этом хозяйка, которую вслед за остальными Криста про себя именовала мамой, всё сокрушалась о том, что «голенькой собачке на полу холодно».

Нашла, тоже, неженку! Во-первых, спала Криста вовсе не на голом полу, а на купленном за немалые деньги специальном толстом матрасике. Во-вторых, опять-таки благодаря многочисленным предкам, жизнь которых прошла в нештучном холоде и сырости италийского высокогорья, она обладала повышенной холодоустойчивостью. Шерсть у неё росла хотя и короткая, и без подшерстка, как и полагается выходцам с юга, но удивительно густая и плотная. В придачу она обладала необычайно толстой и плотной кожей, какую не встретишь у других её сородичей. Такая шкурка даже без попонки способна кратковременно выдерживать и двадцатиградусный мороз, а температуры до минус 10—12 градусов для таких собак, как Криста, можно было считать оптимальными. Это тебе не изнеженный тойчик или марсианского облика «француз», которым место разве что на печке.

Кристу раздражало и придуманное хозяйкой обращение «собачка». Хотя точного значения слов, кроющихся в звуках человеческой речи, она не понимала, но по интонации могла предполагать, что её сравнивают с кем-то маленьким и беспомощным. Это её-то, продолжательницу породы собак кане корсо, называемых иногда корсиканцами, которые по размерам, силе и ловкости превосходят большинство других по-

род! Внушительная гора мышц, тяжелые гигантские челюсти, смыкающиеся замком с давлением почти в два десятка атмосфер – и пожалуйте, «собачка», словно она диванный пекинес!

В общем, такое уменьшительно-ласкательное обращение казалось ей совсем не к месту, и когда в хозяйкином лексиконе слышалось это полуоскорбительное слово с соответствующим сюсявым придыханием, «собачка» обиженно отворачивала морду и норовила спрятаться в какой-нибудь дальний закуток квартиры или дачи. Что-что, а принадлежность к своему древнему воинственному роду Криста с младенчества несла с гордой надменностью. И при необходимости готова была показать окрестным шавкам, а подчас и непочтительным гражданам всю серьёзность заложенных генами своих собачьих качеств.

К шавкам она относилась практически всех псов, делая исключение разве что для самых крупных и сильных. Смотреть сверху вниз на прочих представителей собачьего семейства позволяли её собственные габариты: по стандартам своей породы Криста была переростком, превосходя высотой и шириной торса среднего дога. Встречая собратьев, она для начала молча делала грозную предупредительную стойку. Не гавкала, не рычала: у корсиканцев не принято брехать попусту, что она, дворняжка, что ли? Просто выразительно стояла; а для самых непонятливых демонстративно оскаливала широченную пасть. Обычно этого было достаточно,

чтобы отбить у четвероногих и двуногих прохожих охоту приближаться к ней на короткую дистанцию. Если же кто-то из хвостатых не понимал сделанного предупреждения, хозяин, случалось, давал ей возможность обозначить силушку на деле.

Так, однажды по весне она крепко проучила лохматую полукровку, задиристо наскочившую на них с папашей во время прогулки по лесу. Они уже возвращались к себе на дачу, когда из-за поворота полевой дороги вынырнула эта нахалка. Чужая «девочка» рыскала в свободном полёте, оставив хозяйку далеко позади. Подбежав, незнакомка, как водится, сначала вроде бы мирно обнюхала корсиканку, не обращая внимания на её грозную стойку. Но через миг допустимые границы дружелюбия были нарушены. Что уж там не приглянулось этой пародии на овчарку, но, зарывчав, она хватанула Кристу за щёку. Позволять такое пришелице не стоило, совсем не стоило! Она явно недопонимала, собаку какого менталитета задела.

Долгая родословная кане корсо ведёт своё начало от непередаваемо отчаянных псов. Именно эти собаки особо ценились как непревзойдённые воины: сильные, очень умные и расчётливые, которые умели не только слушаться хозяина, но тонко работать в паре с ним. Это их воины брали в качестве страшного оружия, идя на сражение, а мирные пастухи держали для охраны своих высокогорных стад

от дикого зверя и лихого человека. Поняв достоинства этих собак, древнеримские устроители кровавых забав использовали великанов на рингах не только против львов, быков, но даже и вооружённых гладиаторов. Качества, так ценимые в корсиканцах нашими пращурами, были пронесены сквозь толщу лет, сохранив в их повадках неистребимый бойцовский дух.

И вот теперь древний зов крови разыграл в жилах Кристи жаждой борьбы и мщения. Она громогласно зарычала и так рванулась с поводка в сторону полуовчарки, что хозяин едва удержался на ногах. Тут на дорожной извилине показалась, наконец, и овчаркина мамочка, истошно подзывая свою радость. Нахалка, очевидно сожалея о допущенной вольности, подалась к ней, отлипнув от разъяренной рвущейся с поводка Кристи. Казалось бы, неприятный инцидент был исчерпан.

Однако беспардонный наскок незнакомой шавки разлил не только Кристу. Драчливость охватила и её хозяина. После недолгого замешательства он отстегнул поводок, дав своей «собачке» волю. И этот живой увесистый снаряд, подгоняемый проснувшейся природной агрессией, на крейсерской скорости врезался в группу врагов. Полуовчарка, не ожидавшая контрудара, вмиг присмирела и сдалась, как только Криста вцепилась ей в шею. Но теперь уже о перемирии не помышляла корсиканка. Не обращая внимания

на вой хозяйки своей обидчицы, оказавшей во время собачьей потасовки под ногами дерущихся, «собачка» начала перебирать между зубов закусенную шкуру, продвигаясь к горлу противницы. Та хрипела и тарасила глаза. Тетка орала так, что за пять вёрст было слышно. А довольный действиями своей воспитанницы хозяин, изображая готовность вмешаться, вразвалку трусил к месту схватки. Подбежав, он начал строго «фукать» на Кристу и даже потянул её за ошейник.

Смешной! Да какая обученная бойцовская собака – впрочем, как и необученная, и не бойцовская, находясь в нескольких сантиметрах от глотки противника, отпустит его! Следуя шёпоту генов и всё больше пьянея от вражьей крови, собака в такой схватке уже не может остановиться. Ведь на уровне подсознания она давно предчувствует звук алой струи, вырывающейся из перекушенной артерии. В этом и есть самый важный, неизъяснимо притягательный и ни с чем не сравнимый миг всех собачьих драк. В предвкушении апофеоза столь острого, яркого, животнo-сексуального мига любой пёс обязательно постарается довести до конца начатое смертельное противостояние. Зверь, укрощённый ли, одомашенный ли и подкупленный сытой беспечной жизнью, всегда остаётся опасным хищником!

Криста вся дрожала, её существо полностью было погло-

щено скорой кульминацией. Кто на её месте мог бы воспринимать не то что команды – само присутствие хозяина?!.

– Зажимайте собаке нос – в истерике закричала женщина. Подсказка, похоже, пришла как раз вовремя. Кристин папа и сам уже перетрусил из-за этой неожиданной для него собачьей неуправляемости, и не знал, что предпринять. Он крепко жалел, что пренебрёг одним из очень важных советов. Тренеры клуба, куда он возил образовывать Кристу, строго-настрого наказывали ему не выходить с ТАКОЙ собакой из дому без прочного витого шёлкового шнура в кармане.

Печальная правда собачьих драк, подчас очень трагичных, состоит в том, что разнять сцепившихся псов бывает просто невозможно. Даже самые послушные лапочки в такие моменты становятся зверями, своенравными и опасными. Поди-ка встрянь между пастями осатаневших дога и кавказца! За ноги их не растянуть, водой – хоть залейся... Остается одно – каждому на шею по шнурку и придушивать. Только когда собака начинает задыхаться, она отпускает противника и понемногу приходит в чувство. Применительно к бойцам, подобным Кристе, такой прием практически незаменим.

Но в тот момент за неимением шнурка папаше действительно ничего не оставалось, как с силой зажать нос своей Кристушке. К несчастью для Кристы и к счастью для осталь-

ных участников сцены, кайф развязки был сломан, пыл борьбы остыл, и корсиканка брезгливо сняла свои атмосферы с овчаркиного горла.

Нужно отдать должное хозяину: притравливал он свою любимицу не слишком часто. Пожалуй, стычка на полевой дороге была одной из самых серьёзных в короткой Кристиной биографии. Но на всю последующую жизнь этот поединок научил её некоторым вещам. Она усвоила, что хозяин вовсе не против её агрессивности. А пущенные в ход клыки, поняла Криста, не есть очень уж большая провинность. За которую, судя по случаю с полукровкой, могут не только не наказывать, но даже поощрять. Ведь после того, как потерпевшая сторона унесла ноги, хозяин потрепал Кристу по затылку и сунул ей завалявшуюся в кармане конфету.

Конфеты! Все в доме знали – конфеты были собачьей слабостью. К ним приучили собаку дети. Взрослые хозяева кормят зверя согласно правилам кинологической науки, насыпая по утрам и вечерам в тазик приличный сухой корм, увесистый мешок которого занимает один из углов кухни. О сладком ни сном, ни духом. А ребяташки исподтишка суют то обёртку от мороженого на облизку, то недоеденную баночку йогурта, то конфетку. Коль скоро обнаружилось, что дети «испортили собачку», взрослым ничего не оставалось, как следовать установленной без их воли традиции и тоже давать любимице конфеты в качестве награды. Так Криста и усвоила, что конфета есть выражение высшего расположе-

ния к ней.

... Чудесный матрасик в прихожей, дорогой ошейник с металлическими шипами, собственные тапки для сытной «правильной» еды, замечательные игрушки, которые ей приносили чуть ли не каждую неделю, и обожание со стороны всех домашних – чем не роскошь собачьего существования? Вдобавок у Кристи была еще и другая собственность, самая ценная и любимая – будка на территории дачи. Хозяева, люди определённого достатка, как и полагается представителям их имущественного слоя, кроме большой квартиры в городе имели ещё и загородную резиденцию. Пользовались ею главным образом в тёплое время года, вывозя на дачу всех домочадцев и домашних животных. «Для укрепления здоровья собачки» Кристе тут полагалось ночевать на вольном воздухе, заодно охраняя сон семьи. К её счастью, в доме не было особ, укушенных приусадебным хозяйством, поэтому участок не изобиловал грядками и клумбами, которые так любят портить четвероногие. Лужайки сменялись кустами, переходящими в естественный лес. В самом солнечном углу росла вековая сосна с раздвоенной верхушкой, под которой по осени ежегодно обнаруживался выводок крепких чистеньких боровичков. Собаку, которой нечего было рывать и загаживать, не было нужды держать в вольере, запирасть в доме или привязывать. И Криста сутками напролет обреталась на живой травке, иногда забираясь понежиться на подстилке, разостланной в добротной фирменной будке.

И вот теперь она лишилась и любимой будки, и регулярно возникавшего в миске корма, и окружения близких ей людей. Стоило ли писклявое бестолковое и прожорливое существо, то и дело требовательно призывающее её из мрака убогой норы, всех этих немалых благ?

Будь собака подобна homo sapiens, неизвестно, в какую сторону в подобной ситуации качнулись бы виртуальные чаши её судьбы. Но любая собака, пусть родившаяся и выросшая среди людей, пусть прошедшая дрессуру в лучшей специальной собачьей школе, остаётся хотя и благородным, но в первую очередь животным. Интеллектуальным зверем, чьей главной жизненной программой, заложенной матушкой-природой, всё же является продолжение рода. А потому для животного не существует иной альтернативы, нежели инстинктивная и всеобъемлющая преданность своему потомству. Этот зов крови не перебить никакими меркантильными выгодами. Дети – главная ценность живого мира, и не дай Бог никому посягнуть на неё.

Криста не переставала тосковать об оставленной семье. По-своему, по-собачьи она горько сокрушалась о преступлении, совершённом в отношении главного человека своей жизни. Вздыхала об утраченных любимых куриных катышках и косточках из воловьих жил, воспоминания эти особенно больно бередили её душу в самые голодные и хо-

лодные дни. Затаивалась, с печалью вглядываясь в ровесников хозяйских детей. Завидовала собаке, идущей на поводке. Однако даже в самые пронзительные моменты воспоминаний беглянка не помышляла о возвращении с повинной. В её резко изменившейся жизни появился новый смысл и свет, куда более значительный, чем бывшие приоритеты. И когда полуголодная и вымокшая, истомившаяся от переживаний за щенка, которого приходилось оставлять без защиты в поисках пропитания, она возвращалась в логово, то знала: самое огромное счастье, когда-либо выпадавшее на её долю, ждет здесь и только здесь. Оно заключено в чмоканьи щенячьих губ, отыскивающих мамкин молочный ручеёк, в нежной возне теплого комочка, поудобнее устраивающегося у неё под брюхом, и родном детском запахе, который неизмеримой драгоценностью навсегда остаётся в материнской памяти.

Поди ж разбери этих дур...

Глава 3

Криста не стала основательницей новой русской ветви итальянских сторожевых

Друг мой, нам предстоит дефиле. Знаю-знаю, ты – едва ли не самая элегантная в нашем квартале собака, не слишком-то нуждающаяся в дополнительном приукрашивании. Уже с первых дней пребывания у меня в доме ты научился форсить. Только-только притащил тебя с базара, как прискакала моя дочка, скоренько напялила на тебя специально прихваченный щенячий ошейник и – «Папа, я пойду с ним пройдуся, а то он гулять хочет». Понятно. Не столько ты чего-то там хотел, сколько ей не терпелось показать подружкам живую обновку. Пришла довольная: всем щенок понравился, все его одобрили. Видно, собачий показ получился на славу.

Потом пришла очередь соседок. Увидев тебя во дворе, толстая Лиза прямо-таки подскочила к твоему хвосту и затараторила: какая, мол, у тебя попка чистенькая да аккуратная, с белым «зеркальцем» – совсем как у оленя, и с двумя хорошенькими завитками. Я ей поддакивать не стал, но сам тоже подумал: и вправду хорошенькая. Ты рос и становился всё более стройным, подтянутым и кра-

сивым мальчиком. Многие стали обращать на тебя внимание и интересоваться необычной породой. Я сочинял что-нибудь про разновидность боксёра, или дога, смотря по настроению, не касаясь твоего истинного «дворянского» происхождения.

А ты действительно превратился в собаку на редкость ладную. И вот теперь, когда пошла мода на собачьи наряды, я решил купить тебе зимнюю одежду. Всё же шерсть у тебя не слишком длинная, и в морозы комбинезон очень пригодится. Не бойся, иди сюда, будем примерять модную покупку. Вечером пойдём на собачью площадку. Будешь правильно себя вести, может, куплю тебе на ошейник брелок со стразами. Почему не весь разукрашенный камнями ошейник? Извини, господин нахал, на расписной ошейник такого размера, как твой, у меня пока ещё денег не хватает.

Конец respectable жизни Кристиной начался с того момента, когда случилось ЭТО. Кристе в ту пору доходил первый год безмятежной вольготной жизни. Родилась она летом, совсем крохой была отлучена от матери и передана в свою первую человеческую семью. С семьёй ей повезло, её холили, обучали и даже баловали; кроме того, благодаря своей редкой породе, внушительному и одновременно элегантному экстерьеру она была гордостью и своеобразной достопримечательностью дома. Хозяин с хозяйкой то и дело упоминали о своей необычной собаке в среде друзей и зна-

комых, а ребяташки откровенно хвастались Кристой перед сверстниками.

Но при этом никого из взрослых, детей и подавно, даже с натяжкой невозможно было отнести к знатокам собак. Да, собственно говоря, они и намерения не имели забираться в дебри кинологии. Кристу взяли, повинувшись стандартам, существующим в их социальном клане: собака обязательно должна быть бойцовской породы, высоких кровей и дорогой. Первоначально рассматривался вариант с американским стаффордширским терьером-амстаффом, ещё недавно одной из самых модных в России пород. Близко знакомый с семьёй заводчик амстаффов уже и щенков соответствующего класса подобрал. Но то ли с этими щенками что-то приключилось, то ли у заводчика возникли какие-то другие сложности, но только незадолго до ожидаемого появления в доме маленького пит-дога, как в Америке называют стаффов, заводчик явился с новым прямо сказать ошеломляющим проектом. Он предложил собаку такой породы, о которой в то время в России знали немногие любители и даже специалисты – не то что обычное почтенное семейство. Так в будущей Кристиной среде возникла тема кане корсо.

Поначалу папаша с заводчиком из-за этой казавшейся бредовой идеи едва не подрались.

– Чего ради я должен менять практически купленного стаффа на какую-то каню? Голову мне не морочь и давай ищи, что обещал – орал папаша.

– Ты только разок посмотришь на это чудо, как тут же согласишься – настырно гнул своё заводчик.

Наконец, после третьей увесистой рюмки они сошлись на предварительном просмотре.

– Только если мне этот итальянский приبلудок не понравится, будешь искать обещанного пса, где хочешь.

Заводчик знал, что делал. «Приبلудок», как оскорбительно обозвал Кристу папаша, был ещё той штучкой. Заводчик не пожалел денег и хлопот, чтобы привезти из какого-то захолустного питомника южной Италии пару настоящих собак кане корсо, родителей будущей звёздочки, выправил им соответствующие документы и начал производство в России потомства животных, считающихся национальным достоянием жителей Апеннинского полуострова. Криста была одной из первых, родивших в нашей стране чистокровных наследниц древних римских молоссоидных собак. По характеру, экстерьеру и рабочим качествам она вполне годилась для того, чтобы стать основательницей новой русской ветви итальянских сторожевых.

На это-то предприимчивый заводчик и рассчитывал. Но для осуществления столь далеко идущих планов нужно было прежде всего обеспечить будущей матроне собачьего мира наилучшие условия содержания. Для этой цели возможности папашиного дома подходили как нельзя лучше. Тем более, что, подверженный любви к пафосным жестам, будущий хозяин Кристи за ценой на щенка стоять скорее

всего не стал бы.

Как и предполагал хитрюга-заводчик, лапастый упитанный щенок, а больше того его родовитые мать с отцом произвели на будущего владельца ценной собаки сильное впечатление. Он действительно не ожидал увидеть животное такой стати. К тому же самолюбию человека с психологией нувориши очень льстил тот факт, что он становится обладателем редкости, которой у других нет и, вероятно, в скором будущем не появится. Таким образом, вопрос о приобретении стаффа, «национальной американской собаки», уже порядком расплывшейся на Руси, был снят в пользу Кристи.

Стоит ли говорить, что появление резвого бутуза с бархатно-серой шкуркой сразу сделало его центром притяжения симпатий всех обитателей дома. Подкупала не только плюшевая детскость. С раннего возраста в Кристе чувствовалось присутствие благороднейших кровей. Она была умна и сообразительна, даже в детских своих шалостях осмотрительна и весьма самостоятельна. Шагу почему зря не сделает, попусту голоса не подаст, без разбору в ноги к людям не кинется. Словом, правильная собака, вызывавшая к себе уважение уже с самых юных когтей.

И всё же собаку, столь перспективную в плане качественного продолжения породы, хозяева и не думали рассматривать как объект племенной работы.

Мы с тобой, дружок, хорошо знаем, что многие, обзаво-

дядь животным, желают видеть в нем только ласковую, весёлую и непосредственную живую забаву. Они не по злобе сердца, а из-за своей интеллектуальной и душевной ограниченности рассматривают живое существо со своей его сложной психологией всего лишь как модное дополнение к обстановке богатого дома. Считается, что собаку берут «для себя», а не для выставок и тем более не ради производства элитного потомства. А коли так, то даже представителей тех пород, которые хотя бы ради социального спокойствия обязаны иметь крепкую дрессуру, не обучают с должной ответственностью. Их вволю кормят, дрессируют по минимуму, а большие балуют, как занятную игрушку для больших и маленьких. А если в полтора-два года, достигнув возраста собачьей зрелости, эти игрушки проявляют присущий породе агрессивный нрав или туговую управляемость – в силу неправильного воспитания, от собак предпочитают избавляться, как от испорченных игрушек.

К Кристе отношение было как к домашней игрушке. Хозяйка беспрестанно занималась с ней обнимашками, теребя гладкое могучее тело, дети до иступления носились с ней в догонялки, а главным развлечением папаши стали горделивые прогулки по престижному кварталу или загородному коттеджному посёлку, во время которых на всеобщее обозрение выставлялись все достоинства экстерьера и выучки Кристи. Для пущей наглядности эти демонстрации иногда

сопровождались легким притравливанием на попадавшихся хвостатых бродяжек.

Тёплое время года семейство проводило на даче, если не считать достаточно длительных выездов к заграничным морям. Правда, весной фактически жили на два дома: дети доучивали свой учебный год, а потому выезды на дачу совершались только по выходным. Сразу на постоянку перевезли лишь собаку, кота и возрастную тётеньку, игравшую роль не то экономки, не то домработницы. К ним присоединился и охранник, он же дворник и истопник. В отличие от хозяев, прислуга с «собачней», как звала Кристу и кота тётенька, не слишком-то цацкалась. Получилось, что Криста осталась не так чтобы совсем без пригляда, но с очень условной опекой: покормить да проследить, абы «кучки» были сделаны и убраны вовремя.

Стоит ли говорить, что, относясь к своим питомцам, как к части интерьера, горе-хозяева не особенно задумываются об их физиологии! Такими вещами, по убеждению немалого числа владельцев собак, надлежит интересоваться только профессиональным собачником. Ведь задача обременения себя щенками от Лорок или Манюнь не стоит? Не стоит. Зачем тогда ломать голову над тем, как и при каких обстоятельствах они появляются на свет? Пусть специалисты предпринимают контр-меры для того, чтобы собаки не плодились. Слава Богу, для всего, что касает-

ся здоровья четвероногих, считают они, существуют ветеринары и лечебницы, были бы деньги на оплату подобных услуг.

Не мудрено, что нередко из виду напрочь упускается факт появления у молоденьких сук в конце первого года жизни дней, которые с недавних пор принято деликатно называть критическими. И далеко не все хозяева готовы правильно обращаться со своими питомцами в этот ответственный период.

Начало первой течки у Кристи совпало с весенним переездом на летнюю квартиру. Тут она оказалась в полной воле случая и своих впервые проснувшихся сексуальных влечений. Случай, понятно, не замедлил представиться – в виде настойчивого кобеля, прибывшего, вероятно, из соседнего военного городка. Кобель, по всему, был крепкой дворянской закваски со следами присутствия в роду немецкой, а то даже и кавказской овчарки. Рослый, экипированный роскошным пушистым хвостом и, на вкус Кристи, очень импозантный, кавалер быстро отыскал брешь в разделявшей их ограде. К радости парочки, это место располагалось в дальнем лесном углу, и было хорошо скрыто от глаз обитателей дома. Криста охотно откликнулась на мощный призыв страсти и вслед за хвостатым дворянином ускользнула с территории дачи. А так как дело было вечером, то тётенька истолковала исчезновение Кристи из поля зрения как раннее

укладывание на покой в будку. Всё благоприятствовало и последующим свиданиям парочки.

Знали бы хозяева, сколь сладки были эти часы любви! Первый Кристин кобель оказался псом молодым, игривым и ласковым – как раз под стать своей подружке. Они то носились по лесным полянам, только-только покрываемым остро пахнущей травой, то истомлёно лежали в зыбкой тени полураспустившихся веток, положив счастливые морды друг на друга, то снова и снова впадали в неистовство спаривания. Впрочем, у Кристины – спасибо генам! – хватало инстинктивного благоразумия для того, чтобы создавать себе алиби перед обитателями дома. На время свиданий она старалась уводить кавалера подальше от посторонних глаз, а потом исправно возвращалась на хозяйскую территорию, так что у тётеньки поддерживалось ощущение постоянного присутствия собаки возле дома. Почему этот период любви не перерос в обычную непристойную и шумную собачью свадьбу, Бог весть. То ли ввиду еще не начавшегося дачного сезона других собак пока не вывезли на природу, то ли всех их держали на крепкой привязи, то ли жених пользовался в местных собачьих кругах особым авторитетом, подрывать который ни один из прочих кобелей не решался, – так или иначе, а у Кристины на протяжении всех трёх положенных недель был лишь один любовник, который и сделал её матерью.

Обнаружилось Кристино грехопадение, лишь когда в будке запищали и завозились трое щенушек. Как ни странно,

до этого опять-таки по воле случая никто из домашних не заподозрил, что с собакой происходит что-то необычное. Поначалу во время сумбурных воскресных наездов хозяевам попросту было некогда детально приглядываться к животным. А поскольку собака с младых дней была весьма крепкой и упитанной «девочкой», замеченное, наконец, округлившееся брюшко было отнесено к последствиям жизни на свежем воздухе и обжорства, за что невзначай досталось тётеньке. Хозяйка, оставив приевшуюся тему мерзнувшей любимицы, принялась пространно муссировать вопросы собачьей диеты. И тут Криста опять правильно сыграла нужную роль. Из-за своего беременного положения она и сама ощущала некоторое снижение аппетита, а потому охотно принимала диетические изыски хозяйки и урезывание ежедневной пайки. Она день ото дня становилась всё менее подвижна, подолгу залёживалась в будке и не привлекала к себе лишнего внимания. К счастью, дети, поглощённые новизной дачной жизни и подолгу пропадавшие на озере и в лесу, испытывали потребность общения с собакой куда реже, чем в городской квартире. У тётеньки с охранником и без няньканья с собакой хлопот было по горло, а хозяин в последние перед родами недели и вовсе отсутствовал, верша дела бизнеса где-то за границей.

В общем, появление щенков свалилось на всех как снег на голову и вызвало в семье волну противоречивых эмоций. Тётенька, которой в очередной раз перепало за недогляд, со-

баку возненавидела. Детей слепые неуклюжие кутята как-то не впечатлили – в их представлении животные должны быть копиями мягких магазинных игрушек, а жалкие, почти голенькие и неповоротливые новорожденные этому эталону, конечно же, не соответствовали. Хозяйку сами по себе малютки даже умилили, но она не слишком ясно представляла свою дальнейшую жизнь с целой собачьей стаей. Тем более, что было совершенно непонятно, кто же вырастет из этих щенков. В том, что отцом Кристиного выводка явился некий беспородный проходимец, в доме никто не сомневался.

Пока домочадцы привыкали к новости, Криста целиком отдавалась материнским заботам. Прежде всего, она неосознанно старалась как можно лучше кормиться сама и кормить своих деток. Тонкая собачья интуиция будто нашёптывала ей самый верный алгоритм действий, заставляющий подложить хоть какой-нибудь клочок сена на случай возможных будущих перипетий. А о том, что новые перипетии вполне могут ждать впереди её и детей, Криста задумывалась всё чаще. Она уже почувствовала, что далеко не всё население дома пребывает в таком же восторге от появившихся щенков, как она сама. В воздухе явно витали далеко не безмятежные вопросы, и гнетущая атмосфера вокруг неё всё более сгущалась. Это заставляло юную мамашу с замиранием сердца ждать появления хозяина. Она очень хорошо изучила иерархию семьи. Безоговорочным командиром и идеологом здесь был папаша. С присущей новым русским безапел-

ляционностью, а порой и грубостью, он выносил решения, отменял их, снова настаивал на своём, потом опять менял точку зрения. Незыблемым оставалось одно: семья должна была беспрекословно следовать задаваемым им бесконечным колебаниям курса. На собственное мнение права здесь не имел никто. Хозяйка, человек невыразительный и несамостоятельный, к тому же задерганная сменой мужниных идей, предпочитала в организации жизни полностью довериться своему супругу. Подобно Кристе, себе она тоже давно отвела роль роскошного украшения дома. В её мире существовали разве что моды, легковесные подружки и незначительные увлечения – обычный круг интересов жены семейства из среднего класса, не обременённой заботой о добывании средств к существованию.

Дети тоже были на вторых ролях. Заботы о них укладывались в общепринятую схему: накормить более-менее качественными продуктами, приставить рекомендованную няньку, обучить модным предметам в престижной гимназии или лицее, купить путёвку в хороший вуз. Чтобы, придя, наконец, в папину фирму, сын и дочь могли бы прилично выглядеть в нужной тусовке. А поскольку пока ребяташки только-только перешли от этапа нянек и гувернанток к гимназии, такой жизненный опыт не давал им ни малейшего права голоса на семейных советах – даже по таким вопросам, как всё же в дальнейшем поступать с собакой.

Криста благодаря своему интеллекту и врождённой спо-

способности глубоко понимать окружающую обстановку, была в курсе подобного семейного расклада. Она хотя и не чувствовала себя в чём-то особо виноватой, всё же с опасливым нетерпением ожидала реакции на свою новую ипостась именно со стороны хозяина.

Увы, люди и животные имеют совершенно различные жизненные приоритеты. Взять хотя бы Кристу: ей очень хотелось, чтобы щенков, которых она обожала и которыми гордилась – такие славные, упитанные, облизанные! – должным образом оценил и он. Криста считала, что в ответственной работе произведения на свет потомства она оказалась весьма и весьма на высоте. Все щенята родились в срок, живыми и полноценными. Роды прошли просто и легко, не понадобилось тревожить посторонних и просить помощи извне. Молочка у неё появилось много, на животике набряк целый ряд сисечек. Кутята спокойно спали едва ли не сутками напролет, их почти не было слышно, и хлопот домашним они не доставляли никаких. Разве это не повод для благосклонности и поощрения? И неужели так славно начавшееся её первое материнство заслуживает конфеток в меньшей степени, чем примерное поведение на прогулке или победа в очередной собачьей потасовке?

Так искренне считала Криста, не подозревавшая о запрете на щенков, существовавшем в доме. Ей, дочери природы, и в голову прийти не могло, что по людским понятиям сама попытка хозяйской собаки самостоятельно завести

потомство может расцениваться как серьёзное неповиновение и отступление от роли живой игрушки. Со всеми вытекающими из данного факта последствиями.

Когда в начале осени глава семейства, наконец, прибыл из своего длительного зарубежного вояжа, первой новостью, которую дети с криком обрушили на него у ворот дачи, была:

– Папа, папа, а у нашей Кристи крысята!

– ?!

– Да, дорогой, ты знаешь, однажды утром мы обнаружили, что в будочке нашей собачки появились ещё и три щеночка.

– ?!

– Никто ни о чем не догадывался, она просто немножко пополнила, а с неделю назад – вот...

– И Татьяна Ефимовна ничего не видела?

– Она говорит, что и предположить такого не могла – Кристи всё время была на глазах, никуда не отлучалась, и к ней никто в гости не приходил...

– В гости!.. К Татьяне Ефимовне?

– Да нет же, к Кристе! Никаких посторонних собак...

Хозяин насупился и недобро зыркнул в сторону Кристи. Он и сам видел, что возле его ног радостно крутится щенная сука. Как она докатилась до этого, значения теперь уже не имело. Важно было понять, что с этим делать дальше...

Глава 4

Собачьи дела рушат планы сразу двух бизнесменов

Уже несколько лет кряду – с тех пор, как ты стал моей собакой, я с особым нетерпением жду первого снега. Причина тому – ты, конечно, ты! Едва холодный белый пух уляжется на земле, как во дворах и на улицах начинается восторженное действо. Кажется, все собаки города рвутся на прогулку, чтобы всласть поваляться на свежем снежке, промерить глубину юных сугробов. И ты, поддерживая всеобщее весёлое неистовство, вихрем носишься по аллеям парка, вздымая за собой клубы искрящегося снежного праха. В глазах животных светится неизъяснимое счастье от, казалось бы, простой смены декораций природы. Ни яркость весенних дней, ни солнечное тепло лета, ни пестрота ковров из опавших листьев не вызывает у собачьего племени такого восторга, как появление снежного покрывала.

И вот едва Снежная королева укроет мир своей мантией, ты начинаешь вопросительно заглядывать мне в глаза. Знаю-знаю: ты интересуешься, а будет ли для тебя этой зимой любимейшая из работ. Ведь катать хозяина на лыжах ты почёл едва ли не главным своим собачьим предназначением.

Ты не можешь обижаться на меня: ни единой зимы твоего, увы, недолгого века не прошло без этих упоительных прогулок. Мы уходили в соседний лесопарк и нарезали весёлые километры по лыжне, горделиво лоя немного испуганные, но всё же восхищённые взгляды порскающих с дороги лыжников. Только в последний год, когда ты совсем одряхлел, наши гонки прекратились. Не выходил на лыжах и я, чтобы не обижать тебя лишением этой работы. Ну как объяснить собаке, пусть даже такой понятливой, как ты, что постаревшее её сердечко может отказать во время столь сладких долгожданных занятий? Ведь животные, в отличие от людей, не умеют быть осмотрительными, жалеть себя и служить хозяину вполсилы...

Сложность положения, в которое счастливая материнством Криста поставила своего хозяина, заключалась не только в нарушении запрета на обзаведение потомством. Дело было в другом, хотя глава семейства и гневался на отступление от данных им установок. Случилось так, что к моменту возвращения из заграникомандировки его почти убедили начать выставлять свою собаку. Ветер опять-таки дул со стороны того самого заводчика, близкого друга семьи. Обработка шла постепенно и неспешно. После того, как в принадлежащем ему клубе была куплена Криста, друг этот не переставал при каждом удобном случае склонять нашего папашу к мысли о славе, которой «эта сука» стопроцент-

но может покрыть её хозяина и всё его семейство. Заводчик частенько звонил ему даже за границу, вроде по каким-то другим делам, но непременно каждый раз обязательно находя предлог «капнуть» насчет Кристи. Капля, как известно, и камень точит, что уж говорить о планомерно подогреваемом тщеславии...

Впрочем, наш камень оказался далеко не кремь. Ощутимую брешь в нежелании утруждать себя щенками пробило уже то, первое, посещение собачьего питомника и знакомство с высокородными родителями будущей воспитанницы. Здесь хозяину прочно вдолбили, что в родне их Кристушки ни много ни мало – текла кровь чемпионов мира! Уже сам этот факт способен был выстроить ход папашиных мыслей в нужном направлении. Ведь полученная наследственность, по многократным уверениям собачьего специалиста, открывала перед предметом их домашних развлечений такие моральные и материальные виды, что отказываться от предоставляющихся шансов было бы по меньшей мере глупо. Выглядеть глупым, а уже тем более непредприимчивым папаша хотел меньше всего. И потому его всё более и более начинала прельщать перспектива заработать на своём живом имуществе. А быть может, даже и прославиться...

Знаешь, мой дружок, а этот заводчик знал, что делал. Предпринимаемые им психологические атаки не были произвольными. Друг-собачник по опыту знал, что владельцев

так называемых элитных щенков со временем частенько начинает одолевать честолюбие. Вдохновлённые всё более проявляющимися выдающимися качествами своих любимцев, они нередко и даже неожиданно для себя загораются идеей явить эти качества миру. Тогда-то и прорезается интерес к выступлениям на собачьих выставках, подбору пары своим «девочкам» или «мальчикам», планированию получения от них достойного потомства. Лиха беда начало, одним словом. О подводные камни, которые обязательно имеются в каждом серьёзном деле, новоиспеченные энтузиасты от кинологии споткнутся позже, но, как поётся в мудрой песенке, это будет всё потом.

Еще одним мощным залпом по папаше был визит друга к нему домой. Приём визитеров, как известно, вещь очень небезопасная. По законам гостеприимства, святым в нашем народе, хозяин должен всячески ублажить переступившую порог дома персону; отказ в какой бы то ни было просьбе считается неприличным нарушением традиции. И гость, таким образом, оказывается в наиболее выигрышной позиции. Помня это золотое правило, кинолог однажды заехал как бы невзначай. Глянув на подростковую Кристу, он так и рассыпался в комплиментах. Изображая гипервосторг от увиденного, принялся рисовать радужное будущее владельцев «такого экземпляра», тем более, что Криста и в самом деле была особью, достойной всяческих похвал. Но гость делал

это преднамеренно утрировано, так как прекрасно знал: глава семейства чутко относится к оценкам извне. Но оба они были делягами, и за выпренными похвалами маскировали в первую очередь интересы собственной наживы. Заводчик, уговаривая отдать щенка в племенную работу, пёкся об определённых выгодах не только для его хозяина, но прежде всего для элитного собачьего клуба, владельцем которого он был.

Папаша всё знал, все понимал, но синдром радушного хозяина безотказно сработал, и сердце его опять ощутимо дрогнуло.

– Почему нет, почему нет, в конце концов?! – начинала раскручиваться в его голове провокационная мыслишка.

Довершили процесс ломки приоритетов те самые вкрадчивые приятельские звонки за рубеж. Они шли так часто, что под конец папаше начало казаться, будто в командировке он решал не столько производственные, сколько собачьи проблемы. Собственно, в какой-то мере так оно и было.

Но окончательно чашу весов в пользу племенной работы, как это обычно бывает у капиталистов, склонили сделанные вычисления. Элитные щенки новой импозантной породы – он знал это по себе – стоили не одну тысячу долларов. Как уверял всё тот же заводчик, собаки кане корсо пользовались среди богатой российской публики стремительно нарастающей популярностью. А значит, при правильно расставленных рекламных силках появлялась высокая вероят-

ность успешного и прибыльного сбыта Кристиного приплода, не выходя за круг своей бизнес-братии. Не чересчур большие деньги в сравнении с основными папашиными оборотами, но и не такие малые, чтобы ими пробрасываться, когда расходов на предприятие – всего-то приличная собачья кормёжка, да пользование в ветлечебнице. Зато как будет облакано извечно ненасытное честолюбие делового человека!

Так в конце концов и рассудил хозяин Кисты, решив сразу по возвращении из важной командировки встретиться и серьёзно поговорить с заводчиком.

Поговорил...

Весь тот день, когда он приехал что называется к разбитому корыту, в доме о Кристе вслух больше не вспоминали. А вечером хозяин позвонил в клуб. Разговаривал тихим шёпотом, каким в сериалах обсуждают заговоры, будто заранее готовясь к чему-то нехорошему.

Заводчик уже потирал руки. Он был почти уверен, что предпринятая им промывка мозгов должна рано или поздно сработать. Не может того быть, чтобы хозяева Кисты не согласились принять его предложение приобщиться к кинологии.

Однако вместо ожидаемой темы услышал:

– Моя собака принесла щенков.

– Когда?

– Да, видно, совсем недавно. Я же, ты знаешь, был в отъезде, а домашние говорят, что ничего подозрительного в отъезде,

ношении Кристи не видели. Щенята в будку как с неба свалились, будь они неладны! Ещё слепые.

Заводчик напрягся. Будущее чемпионство Кристи оказалось под серьезной угрозой

Ты хотя и собака, но, к большому твоему счастью, ведать не ведаешь, какие жестокие нравы царят в кинологическом мире. Например, по законам племенной работы первая вязка не должна происходить раньше, чем «девочка» достигнет двухлетнего возраста – времени полного расцвета. Будущей матери нужно и сил, и ума набраться, чтобы вынашивать и выкармливать потомство, не «съедая» свои внутренние факторы роста, а используя уже хорошо подкопленные жизненные ресурсы. И это правильно, поскольку только у зрелых особей рождается наиболее ценное и качественное потомство. Апологеты кинологии строго за этим следят. И если условие оптимального возраста не соблюдено, суке вообще грозит выбывание из числа тех, чьи щенки могут претендовать на статус элитных.

Ещё хуже другое. Собаки устроены очень непросто. Если Криста в следующий раз будет повязана с вполне подходящим женихом, не факт, что у щенков не проявятся признаки её прежнего кавалера – так работает генная память. Значит, нет гарантии, что чистота породы не будет нарушена. Поэтому в кругах, занимающихся разведением высокородных животных, едва ли не самой тяжкой провинностью

считается появление щенков-бастардов. Этакие вольности не прощаются даже самым именитым сукам. Точнее, их хозяевам. Кинологи-заводчики, как и представители любого серьёзного дела, не терпят неряшливости и недисциплинированности в вопросах следования выработанным правилам. Отступление от законов карается тем, что провинившиеся изгоняются не только из высшей собачьей знати, но и вообще из числа животных, пригодных к племенному производству.

– А с кем Кристу вязали?

Вопрос задавался для проформы, так как друг-собачник уже понимал, что «свалившиеся с неба» щенки вряд ли произошли от правильного кобеля.

– Она сама себе греха нашла...

Кинолог сделал приличествующую случаю долгую сочувственно-многозначительную паузу. Потом, изображая крайнюю степень удручённости, сказал:

– Да не переживай ты. Щенков от такой мамы раздашь или даже продашь за милую душу. Потом лучше смотреть будете, и все дела. Хуже было бы, если бы ты её на племя готовил. А так – перемелется... Обычная собачья напасть. Любой, кто держит сук просто так, скажет: хоть раз в жизни она налево да сходит. Сука, одно слово.

Тут замялся папаша:

– Понимаешь, я ведь было надумал тебе её в работу от-

дать... Зря, значит, надумал...

Вот оно! Заводчик мысленно подпрыгнул. Он с самого начала разговора уже понял настроение своего приятеля и причину его расстройства. Но сам впадать в уныние и не думал. Несмотря на сложившиеся обстоятельства, он вовсе не собирался упускать своей выгоды. Едва только он узнал про Кристин блуд, в его голове уже завертелась новая хитрая комбинация. Будь на его месте не бизнесмен, а какой-нибудь рафинированный приверженец кинологии, точки над *i* были бы поставлены сразу. Объяснил бы необходимость принятой в среде собаководов жёсткости, без которой невозможно поддержание чистоты пород и их совершенствование. Воздел бы руки перед клановым кодексом чести. Напомнил, наконец, о роли в истории собачьего, да и человеческого рода, которую призвана была сыграть Криста, и которая теперь по вине олухов-хозяев никогда не будет ею исполнена. В общем, дал бы понять другу, что отныне стезя заводчика для хозяина опозорившейся жучки заказана.

Однако здесь и сейчас был именно этот друг-кинолог, и ничего такого говорить он отнюдь не собирался. Отпустив полагающийся к случаю матерок, он лишь попросил небольшой тайм-аут, чтобы подумать.

А через час позвонил папаше снова. За это время владелец клуба связался кое с кем, кое-что выяснил и кое о чём договорился. Частенько имея дело с дилетантами от кинологии, он не раз сталкивался с ситуацией, когда его клиен-

ты по недогляду упустили ценную «девочку» и обзаводились некондиционным потомством. Если бы он строго следовал всем правилам и отказывал бы от дома таким незадачливым ротозеям, то терял бы на этом не только классных собак, но – что неизмеримо важнее – приличную часть доходов клуба. А этот друг нашего папаши был в первую очередь субъектом хотя и малого, но всё же предпринимательства, а уж потом специалистом по разведению псов. И, нужно заметить, тем еще субъектом! Поэтому он давно научился устраивать дела так, что проштрафившиеся горе-владельцы всё же получали путевки на выставки и заводили щенков с безупречной родословной. А главное, главное-то – до сих пор эти хитрости ему удавалось держать в тайне от собратьев по собачьему бизнесу.

– Вообще-то при таком, как у тебя, раскладе я обязан про Кристу забыть – он всё же не мог отказать себе в удовольствии продолжить психологическую обработку. – Сам знаешь, у заводчиков свои тараканы. Но я вот что себе думаю... Действительно никто не видел собачью свадьбу по посёлку?.. И щенят, говоришь, как подбросили?... Я, конечно, стопроцентного результата не обещаю, но... В общем, слушай. Если ликвидировать щенков, хорошенько перевязать вымя Кристе, чтобы и намёка на кормление не осталось, да своим как следует наказывать помалкивать – можно попробовать сделать вид, что она целочка нецелованная. Но ты должен понять: если что – я подставляюсь. Могу даже клуба лишиться. По-

этому нужны гарантии... Уясняешь?

Папаша уяснял. Придётся раскошелиться. Но он, не лишённый авантюрной жилки, уже закусил удила и хотел во что бы то ни стало сделать Кристу знаменитостью. Поэтому при встрече, состоявшейся вскоре после разговора, когда друг назвал кругленькую сумму, которая должна была переключиться к нему в виде залога успешности их жульничества, Кристин хозяин торговаться не стал. Денег, конечно же, ему было жалко, но папаша впал в азарт, ему мерещились грозди медалей на собачьей шее и фотографии на видном месте в его офисе, с которых скалятся чемпионы, произведенные на свет его собакой.

...Таким образом, участь Кристы и её малышей была предрешена. Но собака пока ни о чем не подозревала и продолжала с похвальнейшим усердием исполнять свои материнские обязанности. Всё шло по-старому, если не считать недоброго предчувствия в отношении хозяина, которое появилось невсё откуда и всё больше беспокоило её. Криста с первого мгновения его приезда вдруг ощутила какую-то дисгармонию. Он вёл себя не так, как бывало прежде после разлук, хотя и не ругал. Не угостил конфеткой и ни разу, как было заведено, не потрепал одобрительно по затылку. Смотрел отчуждённо, даже с некоторой брезгливостью, прийти полюбоваться детками даже не подумал. Всё это волновало и обижало Кристу, заставляя с грустью размышлять над тем, чем она не угодила папаше в столь счастливую нынешнюю

пору.

Поэтому, когда он всё же появился возле будки, ставшей теперь замечательным семейным очагом, Криста как-то сразу поняла, что визит этот ничего хорошего не сулит. Она насторожённо наблюдала, как хозяин угрюмо заглянул внутрь, пробормотав: «Трое, значит». На неё он даже не взглянул, будто Кресты и вовсе здесь не было. Потом ушёл, вернувшись с ведром, полным воды. Для чего возле будки понадобилась вода, Криста не могла знать, но чутье опять подсказало ей недоброе. Когда хозяин наклонился и начал нервно и зло шарить в глубине будки, Криста напряглась как струна. Хозяин вытащил одного из её щенков, девочку, такую же серую, как она сама, с широким белым пятном на груди. От грубого незнакомого прикосновения маленькая запищала. Хозяин повернулся к приготовленному ведру и опустил щенка в воду. Крохотное тельце задергалось, головенка с силой попыталась высвободиться из удушающей влаги, раздался пронзительный душераздирающий крик о помощи... Криста, ещё оставаясь на месте и надеясь, что хозяин отпустит щенка, глухо заворчала. Но он, не обращая внимания на мать, держал девочку под водой, пока она не перестала булькать и шевелиться. Потом брезгливо бросил мокрый жалкий недвижимый комок к самой Кристинной морде и закричал:

– Я тебе покажу, как без спроса свадьбы играть! Ишь, материнства ей захотелось!

Криста при виде своего мёртвого ребенка обезумела. Забыв о том, что в будке ещё два слепых комочка ждут подлых хозяйских рук, она предалась тоске, заскулила, завертелась, закричала на своем собачьем наречии. Остолбенело замолчала только когда снова послышался щенячий плач – последняя мольба о жизни приговорённого мальчика. Криста, подчиняясь уже не рассудку, а лишь голосу инстинкта, бросилась выручать щенка. Она всей нешуточной массой своего хорошо кормленного холёного и от природы сильного тела прыгнула на хозяина, пытаясь грудью сбить его с ног. Но разбег оказался слабым, хозяин устоял и, в свою очередь, со всей силы пнул собаку.

– Будет тебе, паразитка, материнство! Ни одного из выводка не оставлю!

Завыв от боли и отчаяния, Криста отлетела на несколько шагов от места казни. Пока она приходила в себя, хозяин успел расправиться с мальчиком, самым любимым её отпрыском, больше всех походившим на отца и обнаруживающим наибольшую резвость. У сына уже приоткрывался один из глазиков, и мать с нетерпением ждала, когда это счастливое событие произойдет окончательно. И вот он мокрый, с оскаленной крохотной пастью недвижно лежал рядом с первой девочкой, а хозяин уже подхватил под брюшко последнего кутенка...

...Несмотря на все страсти, бушующие вокруг собак бойцовских пород, большинство из них, попадая в спокойную

доброжелательную обстановку, вырастают уравновешенными и добродушными созданиями. В отношении своих домашних они продолжают оставаться послушными кутятами, боготворящими хозяев и тех, кого хозяева любят. Криста, вооружённая страшной пастью и дремлющими гладиаторскими инстинктами, способная не колеблясь перегрызть горло любому четвероногому или двуногому врагу своей семьи, почитаемой за стаю, Криста, бойцовскому темпераменту которой дивились даже опытные тренеры в собачьей школе, Криста, предки которой с разбегу могли сшибить не то что овчарку или дога, но и зверя размером со льва – эта Криста в доме была воплощением покладистости и послушания. Когда она начинала заболеть, то безропотно проглатывала самые горькие и вонючие капли и таблетки, лишь слегка приправленные кусочком мяса, беззвучно переносила уколы и прочие необходимые для скорейшего выздоровления процедуры. Во время визита ветеринара ей исключительно для проформы накидывали намордник – противиться медицинским ухваткам та и не помышляла. Детям позволялось усаживаться на лежащую глыбу верхом, таскать этот прототип героя сказки про монстров за лапы, а иногда и за уши. Кот мирно укладывался дремать у неё на спине. Криста ни разу не дала хозяевам повода наказать себя более серьёзно, чем хлопком по морде сложенной газеткой. Казалось, что в доме живет не собака, а и в самом деле гладкая теплая огромная безобидная и весёлая игрушка...

И вот теперь эта игрушка сбросила своё сусальное обличье. Перед хозяином стоял незнакомый грозный и опасный зверь. Короткая шерсть на Кристиной холке встала дыбом, розовые белки до багровости налились кровью, из приоткрытой пасти плотоядно сочилась слюна. Короткое мгновение она с лютой злобой глядела в округляющиеся от ужаса глаза человека, которого ещё совсем недавно считала самым главным существом своей жизни, а потом яростно и беззвучно ринулась на своего развенчанного кумира. Не успевший опомниться хозяин смог лишь выставить в свою защиту согнутую в локте руку, в которой всё ещё продолжал держать кутенка, и тут же предплечье под натиском зубов захрустело, как пивной сухарик, отпуская на волю скулящего щенка. Криста цепко ухватила уцелевшую палевою малышку за складки кожи на загривке и помчалась в дальний лесной конец участка к спасительному лазу. Она подчинялась зову своей материнской сущности, не отдавая отчета в том, что уходит из человеческой стаи навсегда.

Глава 5

Кристе приписывают бешенство, а заводчик собирается поймать её с Жулькой и вернуть домой

Мальши, мальши, в каждого из вас Бог посадил собственного. Даже самые маленькие несмышлёныши, едва встав на лапки, тут же начинают извечную битву за право обладать СВОИМ. Ты помнишь наш первый конфликт? Знаю, помнишь, ты запомнил его на всю жизнь. И хотя преподанный урок навсегда отбил у тебя желание бороться с хозяином за материальные блага, ты до последнего дня считал такое положение вещей не слишком-то справедливым.

– С чего это нужно отдавать кому бы то ни было свою косточку – думал ты в тот памятный вечер. Славная говьясья мосалыга уже была порядком обглодана, когда ты принес её под кухонный стол и развалился там, мешая ужи-навипшим домочадцам. Попытки выпихнуть тебя не удались – ты лежал камнем. Тогда дочка попробовала отшивырнуть косточку ногой. Ты зарычал и прихватил зубами её тапочек, давая понять: сейчас тебя лучше не трогать. Пришлось лезть под стол мне. Но едва моя рука приблизилась к твоему сокровищу, как снова послышался откровенно злобный рык, и возле моей руки клацнули зубы.

– Ах ты такой-разэтакий – громко и сердито возмутился я. – Прочь в свой угол!

А так как ты и не подумал выполнять приказание и продолжал скалиться, я, недолго думая, взял свой брючный ремешок и пару раз чувствительно огрел тебя по наглой спине. Ты выскочил с костью в пасти, рассерженно сверкая глазами. Ещё один ремешок – и ты отправился-таки восвояси. Я, держа наготове ремень, двинулся следом, и как только косточка оказалась на полу, опять протянул к ней руку. Ты опять заворчал, но уже зубы не выставил. Я взял костяху – ты не двигался, лишь глухо протестовал, поглядывая на орудие насилия.

– Вот так-то – строго сказал я, кивнув на ремень. – Будешь знать, как на хозяев звериться.

Мне совсем не хотелось тебя обижать, но иногда как в собачьей, так и в человеческой жизни разговор с позиции силы бывает единственно верным.

В этот вечер тебя лишили обычной пайки, а на следующий день я снова дал тебе косточку и тут же потребовал её отдать. Ты послушался беспрекословно, но обиженное выражение твоих глазюк было достойно кисти живописца. Тебя по очереди похвалили все наши домашние и угостили вкусненьким. Большие ты никогда никому из нас не перечил, если требовалось отдать пищу. Но кто сказал, что при этом в тебе умерла жажда обладания?

Неожиданная жуткая сцена, произошедшая возле опустевшей теперь будки, вызвала в семье смятение. Урон, который нанесла хозяйину Криста, оказался очень тяжёлым. Папаша получил возможность на собственной барской шкуре убедиться в степени поражающей силы живого оружия, которым до этого страшного часа владел. Кости предплечья левой руки, которой он доставал из будки треклятых щенков, были раздроблены, серьёзно пострадали и мягкие ткани. Бедолага перенес несколько операций по восстановлению пожёванной конечности. Ему наложили иммобилизующую лангету, руку он стал носить в специальной маленькой люльке, переброшенной через плечо, и соседские злые языки за глаза окрестили его инвалидом – почему-то наполеоновской армии. Кроме этого ему делали бесконечные промывания медленно зарастающих ран, мучительные перевязки, порции уколов антибиотиков и препаратов против бешенства и столбняка.

Противостолбнячные инъекции вызывали у него особую ненависть, так как, по его мнению, были совершенно лишними. Какой такой столбняк от домашней псины? Но медики, блестящие мастера перестраховки, и слышать ничего не хотели, вкачивая один за другим все положенные шприцы.

Что же до профилактики бешенства, то тут Кристин «наполеоновский инвалид» аккуратно выполнял все назначения. Хотя ветеринарные и эпидемиологические службы то и дело хвастливо поминали в средствах массовой информа-

ции, что с собачьим бешенством в регионе покончено, и случаев этой напасти не наблюдается чуть ли не со времён царя Гороха, укушенный на этот счет мыслил по-своему. Санитары, может, и не наблюдали, а он своими собственными глазами зрил чудовище, в которое прямо перед ним вдруг превратилась Криста. Обычно умильный слегка туповатый взгляд её вдруг приобрёл необычную ледяную остроту, карие глаза округлились, а белки и нижние веки разом налились яркой кровью. К тому же Криста больше не рычала, а сдавленно хрипела, и, как ему показалось, пасть её наполнялась пеной. Вид у его прежде родной и абсолютно управляемой девочки был истинно сатанинским – как раз таким, как описывают в литературе взбесившихся животных. Кто, повидавший такую картинку, мог бы поручиться за полное здоровье собаки? Ведь контакты с посторонними Бог его знает какими сородичами определено место имели.

Занятый своими хворями и процедурами, глава семейства о собаке если и думал, то только с яростью и зарождающейся ненавистью. В ассоциативном ряду, который блуждал в его несколько набекренившемся после травмы мозга, кличка собаки чаще всего соседствовала со словом «убью», а вовсе не с привычным образом диванной любимицы, и тем более не с представлениями о несчастном существе, терпящем теперь страдания.

Хозяйка мучилась своей мукой. Она была озабочена не столько состоянием супруга, сколько проблемой, не пере-

кинется ли часом занесённая Кристой зараза на неё и малышей. Будучи дамой впечатлительной и в значительной степени экзальтированной, она тут же домыслила все возможные детали ситуации. А домыслив, начала откровенно сторониться главы семейства, поскольку твердо уверовала, что он «подхватил бешенство». Ела теперь мадам с укушенным супругом почти всегда отдельно, под любым предлогом стала ограждать и детей от общества папаши. Дело дошло до того, что на взбудораженный женский ум пришли мысли о просчетах дальнейшего семейного расклада – на случай, если тесты на бешенство и на самом деле подтвердятся. Мамаша не поленилась даже проконсультироваться с адвокатом о своих и детских правах на имущество в случае вынужденного развода с человеком, «поражённым заразой, не совместимой с семейной жизнью». Перспективы её не порадовали, а только добавили информации к удручающим размышлениям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.